

УДК 882 (09)

**«ВСЕ МЫСЛЬ ДА МЫСЛЬ! ХУДОЖНИК БЕДНЫЙ СЛОВА...»
КАК КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ Е.А. БОРАТЫНСКОГО**

© 2012 г.

С.В. Рудакова

Магнитогорский госуниверситет

rudakovamasu@mail.ru

Поступила в редакцию 25.07.2011

Анализируется стихотворение «Все мысль да мысль! Художник бедный слова» Е.А. Боратынского. В понимании автора статьи «мысль» – это орудие, с одной стороны, подчиняющее себе жизнь Поэта и причиняющее ему невероятные страдания, но, с другой стороны, оно как «знак» доблести, что возвышает Поэта над всеми.

Ключевые слова: Боратынский, книга стихов «Сумерки», мысль, конфликт, разум и чувства.

«Все мысль да мысль! Художник бедный слова...» является не только одним из самых сложных произведений, входящих в первую в русской литературе книгу стихов «Сумерки» (1842) Е.А. Боратынского, можно сказать, здесь отражаются раздумья автора о вечном противостоянии чувства и мысли, что мучили его на протяжении всей жизни. А кроме того, мы обнаруживаем в этом произведении еще большие его сомнения в том, что удел Поэта счастлив.

Главным объектом художественных исследований в стихотворении «Все мысль да мысль! Художник бедный слова...» становится сам Поэт, а точнее то, что является основным инструментом его деятельности, что составляет суть его творчества, его жизни, – это слово, мысль.

Уже в произведениях раннего творчества Боратынского мы можем обнаружить главную особенность его творчества – увлечение «мыслью». Начиная с первых его стихотворений проблема противоречий между чувствами и разумом, эмоциями и рассудком волнует поэта, а с годами приобретает для него все большее значение. Так, например, уже в послании «Н. И. Гнедичу» (1823) мы можем найти высказывания, обнажающие суть этих противоречий: «Лишь-нье тягостно беседы мне твоей, / То наставительной, то сладостно отрадной: / В ней, *сердцем жадный чувств, умом познаний жадный,* / И *сердцу и уму* я пишу находил [1, с. 102]. / <...> / Я победил ее (печаль. – С.Р.) и не убит неволей, / Еще я бытия владею лучшей долей, / Я *мыслю, чувствую:* для духа нет оков... / <...> / Учусь покорствовать судьбине я моей; / То занят свойствами и нравами людей, / В их своевольные вникаю побужденья, / *Слежу я сердца их сокрытые движенья* / И *разуму отчет стараюсь в сердце дать!*» (Выделено нами. – С.Р.)

[1, с. 103]. В послании «Богдановичу» (1824) эти противоречия приобретают еще больший масштаб: «Я *правды красоту* даю стихам моим, / Желая доказать *людских сует ничтожность* / И *хладной мудрости высокую* возможность. / Что мыслю, то пишу» (Выделено нами. – С.Р.) [1, с. 119]. Еще трагичнее дуализм ума и чувства раскрывается в послании к Л. С. Пушкину 1825 года «Поверь, мой милый! твой поэт...»: «А мне, мне предоставь таить огонь бесплодный, / Рожденный иногда воззреньем красоты, / Умом оспоривать *сердечные мечты* / И *чувство* прикрывать *улыбкою холодной*» (выделено нами. – С.Р.) [1, с. 132].

И примеров подобных контрастов, встречающихся в произведениях Боратынского, можно привести сколько угодно. Следует сказать, что у европейских и наших поэтов мы можем увидеть множество вариантов разработки конфликта между чувствами и мыслью. Вспоминается и знаменитая батюшковская формула: «О, память сердца! Ты сильнее / Рассудка памяти печальной» [2, с. 126], и не менее известный афоризм из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума»: «ум с сердцем не в ладу» [3, с. 30] и т. д.

Оттого важнее увидеть то новое, что вносит Боратынский в разработку этой вечной проблемы. Правда, необходимо подчеркнуть, что увлечение вопросом соотношения чувств и рассудка берет свое начало еще в юности поэта, когда и под воздействием очарования философией просветителей, в частности Вольтера, и под влиянием роковых обстоятельств своей жизни он задается вопросом, что важнее в жизни человека: эмоции или разум. Об этом свидетельствуют, например, строки из редких сохранившихся писем юноши Боратынского к матери. Из письма 1815 года: «Не лучше ли быть

счастливым невеждою, чем ученым несчастливцем? Не ведая того благого, что есть в науках, я ведь не ведал бы и утонченностей порока?» [4, с. 45]; из письма 1816 года: «...я заранее предвижу все неприятности, которые могут выпасть на мою долю. А ведь было время, когда я о них не думал! Но время это пролетело, как сон, или как мгновения счастья, отмеренные человеку в жизни. <...> Иной человек, посреди всего, что, казалось бы, делает его счастливым, носит в себе угаенный яд, снедающий его и отнимающий способность чувствовать наслаждение. Болящий дух, полный тоски и печали <...> – вот что он носит в себе среди шумного веселья, и я слишком знаю этого человека [4, с. 47]. По существу, будучи ещё юношей, Боратынский интуитивно уже приходит к пониманию того, что станет предметом художественных и философских исканий и его самого, и Ф.И. Тютчева, и М.Ю. Лермонтова, и Ф.М. Достоевского, и других художников: он размышляет о рефлексии, которая из качества, свойственного любому мыслящему человеку, превращается в тягостное болезненное состояние духа, когда полностью подчиняет себе сознание человека, лишая его способности чувствовать, жить.

Для Боратынского мысль в поэтическом тексте становится самозначимой, его увлекает процесс зарождения и развития мысли, процесс крайне сложный и противоречивый. Мы видим различные этапы движения, жизни мысли; поэт, не отказываясь от чувств, на первое место все же ставит размышление: его волнует не то, что он переживает, соприкоснувшись с этим миром, а то, какие мысли это соприкосновение в нем вызывает и к каким последствиям в духовном плане это приведет.

Сам Боратынский попытался раскрыть некоторые тайны собственной поэтической мастерской в одном из писем к Н.В. Путяте в апреле 1828 г.: «Поэты по большей части дурные судьи своих произведений. Тому причиной чрезвычайно сложные отношения между ими и их сочинениями. Гордость ума и права сердца в борьбе беспрестанной. Иную пьесу любишь по воспоминанию чувства, с которым она писана. Переправкой гордишься, потому что победил умом сердечное чувство» [4, с. 78]. В феврале 1832 года в письме к И.В. Киреевскому Боратынский соотносит особенности собственного поэтического творчества с национальным менталитетом: «Поверь мне, русские имеют особенную способность и особенную нужду мыслить. Давай им пищу: они тебе скажут спасибо» [4, с. 111].

Наверное, поэтому так по-разному относились к его лирике современники автора. Еще в

1829 году об особом свойстве поэзии Боратынского размышлял в своей статье «Обозрение русской словесности за 1829 год» И.В. Киреевский: «... чтобы дослышать все оттенки лиры Боратынского, надобно иметь и тоньше слух, и больше внимания, нежели для других поэтов. Чем более читаем его, тем более открываем в нем нового, не замеченного с первого взгляда, – верный признак поэзии, сомкнутой в собственном бытии, но доступной не для всякого. Даже в художественном отношении многие ли способны оценить вполне достоинство его стихов, эту точность в выражениях и оборотах, эту мерность изящную, эту благородную щеголеватость? Но если бы идеал лучшего общества явился вдруг в какой-нибудь неизвестной нам столице, то в его избранном кругу не знали бы другого языка...» [5, с. 235].

Некоторые современники Боратынского за насыщенность мыслью его поэзию осуждали, другие же рассматривали эту черту как проявление бесспорного таланта автора. Так, А.С. Пушкин, высоко ценивший поэтический дар своего друга, в набросках своей незаконченной статьи (1830—1831) о нем писал: «Он у нас оригинален – ибо мыслит. Он был бы оригинален и везде, ибо мыслит по-своему, правильно и независимо, между тем как чувствует сильно и глубоко» [6, с. 221].

Интерпретация, предлагаемая исследователями стихотворения «Все мысль да мысль! Художник бедный слова...» в русской литературе, удивительно противоречива. В.Г. Белинский, размышляя о поздней поэзии Боратынского и, в частности об идейном содержании этого произведения, приходил к выводу: «Жизнь как добыча смерти, разум как враг чувства, истина как губитель счастья — вот откуда проистекает элегический тон поэзии г. Боратынского, и вот в чем ее величайший недостаток...» [7, с. 484]. По сути, продолжая его мысли, высказывает свое суждение об этом произведении Боратынского и Е.Н. Купреянова: «Чувство своего идейного бессилия перед лицом глубоко чуждой ему торгашеской действительности «промышленного века» возводится поэтом в объективное и неразрешимое противоречие между мыслью и чувством, заставляет его видеть в мысли, как в объективном рациональном начале, губительную силу, враждебную чувству, в том числе и поэтическому, разрушающую лучшие надежды человеческого сердца, обрекающую человека на духовное бессилие и бездействие» [8, с. 427].

Трудно не согласиться с теми исследователями, кто утверждал, что в стихотворении «Все мысль да мысль! Художник бедный слова...» отразилась полемика Боратынского с шеллин-

гианцами, утверждавшими превосходство поэзии над всеми остальными областями искусства. Так, в частности, в произведении обнаруживается понимание лирики (в духе шеллингианского учения) как рода искусства, всецело подчиненного рефлексии. Можно предположить, что под влиянием немецких романтиков Боратынский описывает Поэта не просто как небесного избранника, а видит в нем пророка, жреца, способного проникнуть в тайны мироздания, поэзия же воспримется как некая вершина человеческой деятельности: это синтез искусства, философии, религии, и ее тайны открываются только человеческому гению. Подобные мысли определяли звучание многих стихотворений «Сумерек» и стали, в частности, ведущими в произведении «Что за звуки? Мимоходом...». С другой стороны, в отличие от шеллингианцев, провозглашавших идею единства мирового духа, абсолюта, то есть утверждавших недифференцированное тождество природы и духа, субъекта и объекта, мыслящего существа и земной твари, Боратынский выявляет распадение, разъединение в людском мире, ведущее к одиночеству и непониманию.

Однако нужно учитывать тот факт, что Боратынский, испытывая на себе влияние немецкой философии (правда, опосредованно: немецкого языка он не знал, знакомился с учениями немецких идеалистов через пересказы своих друзей, через чужие переводы или через появляющиеся в печати дискуссионные статьи, посвященные анализу работ немецких философов-идеалистов), и в юности, и тем более в зрелости шел своей дорогой, не пытаясь встать на позицию какого-то конкретного философа, приняв как абсолют его концепцию. Он никогда слепо ни за кем не следовал, не участвовал в общих славословиях или открытых нападках на представителей любого поэтического или философского движения.

Подтверждение того, что Боратынский придерживался подобной позиции, мы можем найти, например, в одном из ранних стихотворений – в послании «Богдановичу» (1824), о котором мы уже упоминали, где поэт очень иронично отзывается о новомодном увлечении немецкой философией: «И правду без затей сказать тебе пора: / Пристала к музам их немецких муз хандра. / Жуковский виноват: он первый между нами / Вошёл в содружество с германскими певцами» [1, с. 118].

В стихотворении «Все мысль да мысль! Художник бедный слова...» отразились не только реакция Боратынского на состояние литературного процесса и обобщение всего того, что волновало его на протяжении долгого времени; содержание данного произведения явно проти-

воположно тем мыслям, что были отражены автором в стихотворении «Что за звуки! Мимоходом...», в котором Поэт предстал избранником не только среди смертных, но и среди тех, кто призван творить, созидать, то есть среди художников, скульпторов: «Ты избранник, не художник!». В необычной миниатюре «Все мысль да мысль! Художник бедный слова...» определяющим становится афоризм иного характера: «Художник бедный слова!».

Наверное, не случайно, что впервые стихотворение «Все мысль да мысль! Художник бедный слова...» было напечатано в подборке под общим заглавием «Антологические стихотворения»; это позволяло читателям предположить, что описанное в произведении не зеркальное отражение сиюминутного, в нем воссозданы вечные противоречия, переживаемые Поэтами и в древности, и в современности.

Поэт по-прежнему противопоставляется другим земным творцам. Но возникает другой вопрос: во благо ли ему такое возвышение над всеми? И ответ, который угадывается из содержания стихотворения, скорее отрицательный:

Все мысль да мысль! Художник бедный слова!
О жрец ее! тебе забвенья нет;
Все тут, да тут и человек, и свет,
И смерть, и жизнь, и правда без покрова.
Резец, орган, кисть! счастлив, кто влеком
К ним чувственным, за грань их не ступая!
Есть хмель ему на празднике мирском!
Но пред тобой, как пред нагим мечом,
Мысль, острый луч! бледнеет жизнь земная
[1, с. 195].

Как верно подчеркнула И.Л. Альми, «"Все мысль да мысль" – при всей своей обобщенности – «затаенная исповедь». В этом – одном из совершеннейших творений Боратынского – наиболее явно воплотилась суть его художественного мышления: нераздельность личных и общечеловеческих проблем» [9, с. 62]. Именно этому исследователю принадлежит самый интересный развернутый анализ этого непростого стихотворения из книги «Сумерки» [10, с. 206–221].

Хотя, как уже отмечалось, в произведении Боратынского не описывается противостояние толпы и Поэта, что было определяющим в содержании «Что за звуки? Мимоходом...», однако поэтический текст поражает своей эмоциональной напряженностью. В небольшом, негармоничном по организации астрофическом стихотворении, которое состоит из 9 строк, насчитывается 7 риторических восклицаний – это создает ощущение, что перед нами «крик души» Поэта, выражающий его отчаяние, разуверение и божественный восторг, переходящий в ужас

от осознания мощи той силы, которая заключена в слове (мысли).

Но не Поэт предстает тем, кто управляет мыслью, должной помочь ему раскрыть земные и вселенские тайны, а мысль превращается в высшее существо, что повелевает Поэтом: он ощущает себя ее жрецом, истово ей служащим, но оттого теряющим способность вкушать земные радости. «Мысль» в контексте этого стихотворения приравнивается к «истине», что впервые свою устрашающую мощь продемонстрировала в лирической ситуации, описанной в стихотворении «Истина» («О счастья с младенчества тоскуя...») (1823): «Я бытия все прелести разрушу, / Но ум наставлю твой; / Я оболую суровым хладом душу, / Но дам душе покой» [1, с. 105]; о роковой силе воздействия мысли на сознание и жизнь поэта размышляет Боратынский и в ряде других, более поздних текстов, например, в произведении «Когда исчезнет омраченье» (1832): «На грудь мне дума роковая / Гробовой насыпью легла» [1, с. 166].

Близость этих образов – «мысли» и «истины» – проявляется в перечислительном ряду, в котором указывается на возможности, таящиеся в «мысли», способной охватить все основные проявления бытия, как частные, так и масштабные: «Все тут, да тут и человек, и свет, / И смерть, и жизнь, и правда без покрова» [1, с. 195]. Показательно, что Боратынский акцентирует внимание своего слушателя (читателя) на том, что в системе координат, в которых в настоящий момент пребывает Поэт, точкой отсчета оказывается не жизнь, а смерть, потому в стихе именно слово «смерть» стоит в препозиции. Показательно, что в первой публикации в «Современнике» 1840 г. в этом ряду была иная последовательность: «И жизнь, и смерть, и правда без покрова».

Важным оказывается тот факт, что метафора, используемая Боратынским для представления Поэта, – «художник бедный слова!» – имеет ярко выраженный эмоционально-оценочный характер, на что указывает эпитет «бедный» по отношению к Поэту. И если в предшествующем стихотворении Поэт противопоставлялся художнику и в этом сказывалось влияние шеллингианской теории, в частности идея разделения искусства на идеальное и реальное, то в рассматриваемом произведении эти искусства оказываются в некоем единстве, и полнее всего это слияние ощущалось в том, каким изображался Боратынским Поэт. Как художник творит свой мир, используя краски, – так созидает свою вселенную Поэт, оперируя словом. Слово как будто материализуется, обретая свой вес, свою плоть и при этом сохраняя сакральную связь с миром божественным. Именно потому «худож-

ник слова», находясь в подчинении мысли, ощущает себя жрецом, истово служащим своему божеству. Он «бедный», потому что несчастлив, ибо слово, превратившись для него в орудие мысли, утратило свою чувственную красоту, очарование, жизненную полноту. Вспоминаются размышления А.А. Ахматовой, которая, откликаясь через десятилетия на раздумья своего великого предшественника, признавалась: «Лирический поэт идет страшным путем. У поэта такой трудный материал – слово. Помните, об этом еще Боратынский писал. Слово – материал гораздо более трудный, чем краска...» [11, с. 59.]. Но Поэт у Боратынского «бедный» и потому, что все внешнее, материальное, преходящее для него ничего не значит, он живет духовным – он «художник слова», подобно монаху, уходит от мирских соблазнов в свой особый мир.

Однако в стихотворении «Все мысль да мысль! Художник бедный слова...» по-прежнему ощущается противопоставленность Поэта представителям других видов искусств. «Слово» открывает перед Поэтом бездны, манящие и пугающие одновременно, лишаящие его привычных человеческих чувств. Именно потому он, ощущая свое превосходство над другими людьми, еще острее осознает трагическую отрезанность от мира обычных земных радостей. Дар, полученный им свыше, обнажает перед ним тайны вселенной, но при этом лишает его способности обрести обычное человеческое счастье, насладиться земными удовольствиями. Поэт воспринимает себя представителем «железного века», эпохи, когда человек утратил гармоничную связь с природой, перестал хранить в душе идеал «соразмерностей прекрасных» [1, с. 159], чувства и разум в нем перестали быть проявлением единого «Я».

По сути, то, что было описано в «Приметах», одном из кульминационных произведений «Сумерек» Е.А. Боратынского, – конфликт ума и «сердечных инстинктов», все подчиняющая себе власть разума, ведущая к разделению природы и человека и утрате последним чувств, – в стихотворении «Все мысль да мысль! Художник бедный слова...» доводится до своего логического завершения. Поэзия, которая в «золотой век» (имеются в виду и мир античности, и пушкинская эпоха) воспринималась как мир возвышенной, божественной мечты, сказочной фантазии, как «гармония святая», «пир воображенья» (именно подобные характеристики получила лирика в творчестве таких русских романтиков, как В.А. Жуковский, К.Н. Батюшков, А.С. Пушкин и др.), для Боратынского же, как верно это заметила И.Л. Альми, «этот волшебный дар – печать проклятья. Поэзия для него – «опасная профессия», занятие, которое разру-

шает спасительные иллюзии, не позволяет забыть в минутных земных радостях. Именно такое непривычное для пушкинской эпохи представление о поэзии дает Баратынскому основание и возможность противопоставить художника слова творцам иных искусств» [10, с. 208]. Человек, отдавшись на волю мысли, подчинившись ей, утратил ощущение счастья в жизни, потому финальные строки стихотворения звучат особенно трагически: «Но пред тобой, как пред нагим мечом, / Мысль, острый луч! бледнеет жизнь земная» [1, с. 195].

Возвышаясь над суетным, преходящим, познавая мироздание, Поэт утрачивает способность радоваться обычным проявлениям жизни. Именно поэтому он с высоты своего положения, обусловленного его избранностью, почеловечески завидует другим творцам, наделенным способностью созидать, но не утратившими связь с земной жизнью, имеющим возможности вкушать радости на этом земном пиру, а не смотреть на этот мир со стороны: «Резец, орган, кисть! счастлив, кто влеком / К ним чувственным, за грань их не ступая! / Есть хмель ему на празднике мирском!» [1, с. 195].

Однако ощущая свой дар как мучительный, Поэт тем не менее осознает его исключительность: ему доступно то, что другим творцам не ведомо: они не могут познать тайны бытия, им не дано заглянуть в неведомое, именно Поэт может увидеть то, что скрывается за «гранью», отделяющей земной мир от иного.

В понимании автора «мысль» – это орудие, с одной стороны, подчиняющее себе жизнь Поэта и причиняющее ему неимоверные страдания, но, с другой стороны, оно как «знак» доблести, избранности, что возвышает Поэта над всеми. Мысль сравнивается с «мечом», но этот «меч» в руках Поэта, и он, подобно рыцарю, готов с мечом в руках отстаивать честь, и рано или поздно он докажет свое право быть услышанным.

«Мысль» рассматривается автором, с одной стороны, как порождение поэтического вдохновения, «продукт творчества», но, с другой стороны, не она зависима от воли поэта, а, напротив, поэт – ее жрец, готовый ради нее отречься от суеты, отрешиться от действительности. Не сумев в настоящем вынести на суд людской собственные произведения, не реализовав свое желание изменить сущность людей и общества, Поэт еще раз убеждается в необходимости и очевидности одиночества, стремясь отгородиться от других, замкнувшись на себе.

Финал стихотворения «Все мысль да мысль! Художник бедный слова...» трагически напряжен, но в смысловом отношении он двойствен-

ен. Образ «мысли» несет в себе угрозу, таит в себе смерть («пред нагим мечом», «бледнеет жизнь земная»), разрушая прелесть обычного человеческого бытия. Поэт, оказавшись в подчинении «слову», не посвящает себя воспеванию чувственных удовольствий, а отдает себя на «растерзание мысли», становясь ее мучеником. Однако в образе «мысли» воплощается и мощь жизни: «Мысль, острый луч!». «Луч» соотносится с источником света, чаще всего он ассоциируется в нашем сознании с солнцем, воплощающим в себе энергию жизни, активность. А потому именно мысль открывает перед Поэтом горизонты неведомой жизни, срывая все наносное, выявляя все иллюзорное, приближая его к познанию подлинных основ бытия. Потому можно говорить, что Баратынский задолго до Ф.М. Достоевского и поэтов Серебряного века осознал величие и мучительность творческого дара, бездну отчаяния, в которую может быть ввергнута душа «художника слова», и райские высоты, прикоснуться к которым может Поэт в минуты своего поэтического прозрения-вдохновения. Ад и рай, жизнь и смерть, «правда без покрова» – вот с чем придется жить, если выберешь путь Поэта, тебе уготованный.

Список литературы

1. Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений. Библиотека поэта. 3-е изд. Л.: Сов. писатель, 1989. 464 с.
2. Батюшков К.Н. Полное собрание стихотворений. М. AUGSBURG: Im Werden –Verlag, 2001. 186 с.
3. Грибоедов А.С. Полное собрание сочинений в 3 т. Т. 1. СПб.: Нотабене, 1995. 350 с.
4. Баратынский Е.А. Полное собрание сочинений. Т. 3. Москва – Augsburg: Im Werden Verlag, 2000. 169 с.
5. Летопись жизни и творчества Е.А. Баратынского / Сост. А.М. Песков. М.: Новое литературное обозрение, 1998. 496 с.
6. Пушкин А.С. Полное собрание сочинений. Изд. 3-е. М.: Наука, 1964. Т. 7. 765 с.
7. Белинский В.Г. Полное собрание сочинений. Т.7. М.;Л.: Изд-во АН СССР. 1955. 739 с.
8. Купреянова Е. Н. Баратынский // История русской литературы: В 10 т. Т. VI. Литература 1820—1830-х годов. / АН СССР. Ин-т рус. лит. М.; Л. 1953. С. 411–429.
9. Альми И.Л. Сборник Е.А. Баратынского «Сумерки» как лирическое единство. // Вопросы литературы. Метод. Стиль. Поэтика. 1973. Вып. 8. С. 23–81.
10. Альми И.Л. О стихотворении Е.А. Баратынского «Все мысль да мысль! Художник бедный слова!» // Альми И.Л. О поэзии и прозе. С.-Пб. 2002. С. 206–221.
11. Чуковская Л.К. Записки об Анне Ахматовой. Кн. I. М.: Книга, 1989. 271 с.

«VSE MYSL' DA MYSL'!» AS A CONCEPTUAL WORK BY E.A. BORATYNSKY

S.V. Rudakova

An analysis of the poem «Vse mysl' da mysl'!» by E.A. Boratynsky is presented. In the understanding of the author of the present paper, "thought", on the one hand, is a tool that subdues the Poet's life and causes him immense suffering, but on the other hand, it is a "sign" of valor that raises the Poet above all others.

Keywords: Boratynsky, the book of verses "Twilight", thought, conflict, mind and feelings.